

Между Шпрее и мостом

XXXVIII.

Зима в том году началась рано. В сером плёде неба словно проделали небольшую дыру, и крупные белые хлопья медленно, но непрерывно кружили перед глазами, стоило лишь кинуть взгляд на улицу. Иммануилкирхе, которую Арк всё думал переименовать, запорошило снегом, и кроваво-красные ее кирпичи казались под ним чем-то невинным, вроде клубники со сливками или шапки Санта-Клауса.

Арк откинулся в кресле. Он сидел в своем кабинете, некогда бывшем спальней Гастона. За прошедший месяц с копейками ему так и не удалось привыкнуть к произошедшим переменам. Жизнь протекала заметно медленнее, подчеркивая, что разница между разрушением и созданием – в основном в кинетике процессов. Напротив Арка висела большая карта их с Лу зоны, от Александрплатц до Остзеештрассе и от Грейсвальдер-штрассе до переулков около Шёнхаузер-аллее. Кусок, по меркам города, не гигантский, но внушительный. Постоянно в нем проживало чуть более пяти тысяч человек, расселившихся в основном неподалеку от кирхи. Было в зоне несколько лавок мясал, мастерские по пошиву одежды и расположившаяся на бывшем кладбище крупная беличья ферма. Белки после Смещения выросли до размеров коз, и их мясо считалось деликатесом у тех, кто мог их догнать.

Не мог Арк привыкнуть и к переполнявшей его силе. Сотни домов по хорошо ощущаемым каналам перегоняли свою колдовскую энергию через кирху к владельцу, и даже учитывая, что ему доставалась только часть этой энергии, внутри захваченной церкви он был истинным колдуном в Башне, а потому практически всемогущим. Но из-за отсутствия опыта это мешало и тяготило. Арк не до конца понимал и не до конца чувствовал границы своих возможностей. А также не до конца понимал, что ему с ними делать. Многие колдуны, типа Нигоша или Иммануила, меняли свое тело для лучшего использования новых способностей. Арк этого делать не стал – в основном из опасений, что не сможет вернуть всё обратно. Многие создавали внутри своей Башни свой собственный мир, с изобретательными фантомами или роскошными видами. Иммануил, к примеру, возвел себе алтарь из рубинов и янтаря, который, словно ледяной, некрасиво таял и плавился еще несколько дней после его смерти. Арк ограничился спальней и удобным кабинетом с большим окном. Многие колдуны заводили себе готовых выполнить любые капризы прислужников и миньонов. Арк

этого делать не стал, и не только из-за Лу, которой сама идея миньонства была отвратительна.

Самой Лу он немного завидовал. Ей всё давалось значительно легче, особенно манипуляции с новоприобретенной силой. Она тоже не стала изменять свою внешность, только скрыла шрам на щеке. На месте неровного розового пятна появилась татуировка – изображение дикой птицы. Когда Арк спросил ее об этом, Лу пояснила, что это osprey – скопа, дикая птица из каролинских лесов. Оспри была ее фамилия, кроме того, у ее бабушки жила ручная скопа, с которой Лу дружила в детстве.

Лу вообще очень изменилась за последний месяц. Со смертью Иммануила, казалось, начала уходить в небытие та ее часть, которая делала Лу робкой, неуверенной в себе девчонкой. Сила наполняла ее, жила в ней, питала и медленно меняла изнутри. К Лу возвращалась уверенность в себе, которую отбили годы миньонства.

Именно Лу взяла на себя организационную часть их "стартапа". Центральный неф кирхи был переоборудован из тронного зала со средневеково-дикарскими элементами типа факелов и дыб в нечто среднее между современным офисом и баром. Было не так уютно, как в кают-компании на Алексе, но вместительнее и официальнее. В кирхе стали появляться новые люди. После смерти Иммануила все его Амулеты Верности потеряли силу. Миньоны в большинстве своем разбежались, но Лу нашла нескольких бывших знакомых и предложила им работу. Это была именно работа – люди становились не миньонами, не слугами и не наемниками-антикварами, а полноправными сотрудниками, получавшими регулярное вознаграждение за ежедневный спокойный труд. Работа их заключалась в основном в путешествиях по всему Берлину и в поиске и упорядочивании информации – значительная часть кирхи была отведена под архив. Оказалось, крайне важно знать, где что находится, где кто живет и где что лежит – и, в последних случаях, как это можно достать.

Одной из первых к ним пришла Пилар. Ей по рекомендации Оксаны нужно было определенное лекарство для сына. Ульрик и Павел, новоприобретенные агенты кирхи, перерыли Александрплатц, Осткройц и Фридрихсхайн в поисках информации об этом лекарстве. Наконец, во Фридрихе обнаружился аптекарь, который помнил, как незадолго до Смещения нужное средство была заказано на один из складов больницы Шарите в Шарлоттенбурге. Арк и Лу наняли у Серба команду Пшигоды и впятером, рискуя жизнью, отбили целый ящик этого лекарства у мутировавших цветов и их детей. Заплатить Пилар им не могла, но вместо этого предложила свои услуги на постоянной основе. За ней довольно быстро в кирху

перебрался и Ахил, которому сразу поручили делать то, о чём он давно мечтал, – разрабатывать новые электронно-колдовские технологии.

Подвалы церкви переоборудовали в большую мастерскую, а в центральном зале с тех пор поселилась здоровенная доска для игры в го.

Оставался Пшигода, гордо и обиженно ждавший, когда его позовут. Лу пошла договариваться с ним, а Арк – с Сербом. Старый мерзавец отказывался до последнего, пока не выторговал себе десять процентов от заработанного в следующий год. Тогда он задумался, его глаза под закрытыми веками долго бегали туда-сюда, а потом он, наконец, смачно плюнул в свою заскорузлую ладонь и протянул ее Арку. У Лу проблем вообще не возникло.

XXXIX.

Наличие работников позволяло Арку сфокусироваться на собственных поисках. Копал он в двух направлениях и перво-наперво собрал воедино всё, что связано с семьей Лихтенхерц. Вторым направлением поиска было изучение способов мгновенной телепортации крупных предметов. Последнее удавалось не очень хорошо: подобное колдовство известно не было, а самое обидное – все признавали, что если кто-то о нем и может знать, так это сам Нигош. Несмотря на это Арк всё еще не верил, что его Хозяин сбежал, оставив его одного. Не хотел в это верить. Арк снова и снова прокручивал в голове события того дня, на стене напротив окна появилась практически поминутная разбивка: с момента, как он добрался до Башни, и до момента исчезновения Хозяина и атаки врагов. Арк собирал свидетельства очевидцев, даже искал миньонов, участвовавших в том нападении. Ульрих и Павел смогли передать ему наиболее полную картину, но всего этого было катастрофически мало. Не ясно было, скажем, почему, находясь внутри Башни в момент телепортации, никуда не переместились ни Арк, ни Карман. Были также другие, более технические вопросы. Что-то внутри всё же убеждало Арка, что Хозяин не сбежал самостоятельно, что его забрали против воли и что разгадка находится где-то у Лихтенхерцев.

На этом фронте Арк тоже продвинулся недалеко. Он собрал всю общеизвестную информацию, но как следует углубиться в историю и тайны этой семьи ему не удалось. Основные же факты были таковы. Клан Лихтенхерц состоял из шести человек, трое из которых были членами Совета Одиннадцати: глава семьи Виктор Лихтенхерц, его жена Клавдия и старший сын Вильгельм. Занимали они три главных здания на Музейном острове – Берлинский кафедральный собор (он же Берлинский Дом), музей Пергамон и Новый музей. Среднему сыну Отто, дочери

Доротее и ее мужу Франсуа принадлежали Старый музей, музей Бодэ и здание Национальной галереи. Семья их была именно семьей, единой силой, вместе путешествовавшей по Изнанкам и вместе набиравшей силу и опыт. Все шесть Башен были складами артефактов невероятной древности и мощи, что делало их обладателей чрезвычайно опасными противниками для кого бы то ни было. По территории и населению Музейный остров был невелик, но он являлся самым центром города, историческим, духовным и культурным, и накопленная в нем сила превышала все разумные пределы. Кроме того, Музейный остров был именно островом, то есть со всех сторон был окружен рекой Шпрее. Проникнуть на него незамеченным казалось невозможным. Лихтенхерцы строжайшим образом охраняли свои секреты и превратили всё население острова в хундескопфов – своих псоголовых миньонов, Амулетами Верности которых служили их же неотделимые от тела собачьи головы. Шансов подкупить или освободить такого миньона также не было.

Лихтенхерцы были чрезвычайно влиятельны во всем городе, с руками в сотнях карманов. Они наверняка смогли бы захватить в нем власть, если бы не отдельные сильные колдуны, вроде Александра или Этваса Андереса. Или Нигоша. Арк, к стыду своему, осознал, что не имел ни малейшего понятия о природе вражды между ними и Хозяином. Когда он жил в Башне, привычки задавать лишние вопросы у него не было, и он просто делал всё, что прикажет Нигош. Сейчас же, набрав кое-какие данные и имея время как следует пораскинуть мозгами, Арк понял, что, перефразируя Сократа, ничего не понимает, по крайней мере, когда дело доходит до мотивации владельца Темной Башни Осткройца. Нигош вообще выбивался из ряда колдунов Берлина: несомненно могущественный, специалист по порталам в Изнанки и обратно, он тем не менее не захватывал власть во Фридрихсхайне или Осткройце, а ограничивался лишь своей Башней, предпочитая отшельническую жизнь вместе с парой-тройкой питомцев. Интересы Хозяина словно бы лежали совершенно в иной плоскости, чем медленное накапливание силы, но какими они были на самом деле, Арк не знал.

XL.

Внизу раздался гул голосов, и по спине Арка пробежали мурашки: в кирху вошел кто-то чужой, обладающий значительным запасом силы. Он вздохнул, надел пиджак и вышел из кабинета. Они с Лу долго спорили по поводу "рабочей униформы" – не в балахонах же им было ходить – и в конце концов остановились на стиле "бизнес кэжуал", который успешно разъедал всем глаза до Смещения, но

успел основательно забыться после и поэтому воспринимался как нечто новое и смелое.

– Будет символично, – сказала тогда Лу, и Арк был вынужден согласиться.

Спустившись со второго, "директорского" этажа, он вошел в центральный зал. С левой стороны, почти с самого входа, тянулась барная стойка, за которой стояли полки с книгами, картами, инструментами, оружием и, да, бутылками со спиртным. С другой стороны стояли несколько столов, которые можно было воспринимать и как письменные, и как обеденные, и удобные кресла. Один из столов был целиком занят акхилловской доской для го. Зал пустовал, за исключением того, что в двух креслах друг напротив друга велась напряженная, но молчаливая борьба.

Лу выглядела как обычно: строгий деловой костюм, узкая юбка, коротко остриженные волосы, десяток браслетов на руках. Ей в целом шла серо-зеленая гамма, но вкупе с прической костюм делал ее похожей на птицу на ее щеке – хищной, напряженной.

Ее противница, молодая светловолосая женщина, была одета с не меньшим вкусом, но совсем в ином стиле. На ней были светлые брюки свободного кроя и вязаный объемный свитер бирюзового оттенка. На подлокотнике кресла висело сложенное пальто. Видимых украшений на женщине не было; длинные, чуть вьющиеся волосы нарочито небрежно были разбросаны по плечам. Она была красива. На вид ей было меньше тридцати, но Арк уже знал, как может быть обманчива внешность. А главное – эту женщину абсолютно переполняла сила. Арк не помнил, чтобы кто-то прежде настолько явно и дерзко демонстрировал бы свое могущество. Даже Иммануил в пылу битвы, даже Этвас Андерес в пылу торговли. Негласным правилом этикета было маскировать свои силы, не выделяться, не показывать руки, особенно при удачной сдаче. Но эта женщина плевала на условности и играла в открытую.

Арк подошел к ним, перевел взгляд на взволнованную Лу, потом обратно на гостью. В ответ увидел чуть заинтересованное спокойствие с толикой насмешки, еле видной в глубине темно-синих глаз.

– Доротея, – представилась женщина и протянула руку. Одно украшение на ней все-таки было – тонкий ободок золотого кольца на безымянном пальце.

– Аркадий, – их ладони встретились. Ее рука была теплой и очень нежной. – Чем мы можем помочь?

В то же время Арк стягивал к себе все свободные ресурсы Иммануилкирхе. Если этот визит перерастет в битву, им с Лу потребуются абсолютно все накопленные силы.

– Надеюсь, многим, – сказала Доротея Лихтенхерц. Ее голос был тихим и мелодичным, она чуть тянула гласные, что создавало необычный акцент. – Мне нужна помощь.

Арк сел на свободное кресло.

– В ночь с десятого на одиннадцатое октября, – начала Доротея, тщательно подбирая каждое слово, – в поезде, идущем от Цоо до Александрплатц, произошел взрыв. Считается, что виновник этого – колдун Нигош, владеющий Башней Осткройца, – она запнулась и посмотрела прямо на Арка, – твой Хозяин. Сразу после этого он исчез, – еще один взгляд на Арка, таинственный, спокойный. – Я, скажем так, не верю в его причастность. Хотела бы провести независимое расследование. А кто может провести его лучше, чем человек, разделяющий мою точку зрения?

– У нас нет доступа к поезду, – быстро сказала Лу.

– Это верно, но вы можете попросить доступ у Совета Города.

– Хорошо, а нам это зачем?

Доротея улыбнулась Лу обворожительной улыбкой.

– Грядут большие перемены, и очень скоро. Ваш выбор – успеть в этот поезд или бежать вслед за ним.

– Или убежать от него по рельсам, – сказала Лу.

– Мы согласны, – вдруг услышал Арк свой голос.

Лу выстрелила в него глазами и поспешно добавила:

– О цене договоримся отдельно.

Доротея кивнула, продолжая улыбаться.

– Послезавтра состоится очередное заседание Совета, – сказала она. – Я доведу вас на машине. О цене договоримся, когда получите разрешение на расследование.

И она ушла, оставив за собой чуть ощутимый аромат весны.

XII.

– Мне она не нравится, – сказала Лу. – Не стоило соглашаться.

Арк виновато кивнул.

– Я знаю. Извини. Но это именно то, чего так не хватало.

– Чтобы найти Нигоша?

– Чтобы к этому подступиться. Я был так разочарован, когда Иммануил...

– Когда у него не оказалось Нигоша, связанного в подвале?

– Его нельзя связать, он квазителесная сущность, сотканная из зла и тени. Но в целом да.

Лу засмеялась.

– Я, наверное, никогда не пойму этой obsesии. Но мое дело как друга – помогать. Понимание – только приятный бонус.

Арк улыбнулся в ответ.

– И ты хороший друг, Лу. Обсудим это вечером с остальными?

Они теперь часто ужинали впятером: Лу, Пшигода, Акхил, Пилар и Арк. В опустевшем под вечер центральном зале кирхи, за одним столом. Пшигода разделывал фаршированную белку. Лу разливала вино.

Арк в общем описал визит Доротеи.

– О, – сказала Пилар, – забудем о поиске сокровищ и охоте на мебельных драконов. Нам предстоит что-то по-настоящему захватывающее и опасное.

– Что же?

– Постапокалиптическая политика.

– Постапокалитика, – вставил Пшигода.

- Да, – подхватил Акхил. – Как бы она не сожрала нас почище дракона.
- А как устроена берлинская постапокалитика? – спросила Лу. – Пока я была миньоном, меня эти дела не особо интересовали.
- Присоединяюсь, – сказал Арк.
- Тоже мне, великие колдуны, – фыркнула Пилар.
- Формально мы живем в анархии. Единственный работающий закон – право сильного. Вы победили Иммануила, убили его, захватили его Башню, и вам никто и слова не сказал, – начал Пшигода.
- Но есть нюанс, – встрял Акхил.
- Да. Есть места и вещи, которые считаются неприкосновенными.
- Поезд, – сказала Лу.
- Поезд, электричество, пара жилых зон, вроде Алекса или Цоо, – добавил Акхил.
- Нарушение порядка – даже применение сильного колдовства на одном из них – это единственный смертный грех в Берлине.
- Надзор осуществляет Совет Города, он же Совет Одиннадцати. Грубо говоря, это одиннадцать сильнейших колдунов...
- И колдуний, – вставила Пилар.
- И колдуний, – послушно согласился Пшигода, – которые решили, что уделять толику своего драгоценного времени, чтобы защищать всех остальных.
- Чтобы навязывать свою волю и утверждать свое могущество, – сказал Акхил. – На всё остальное колдунам глубоко наплевать.
- Ну, погоди, – осадил его Арк.
- Не считая присутствующих, – примирительно улыбнулся индус.
- Ну, даже с этой поправкой...
- Можно тебе напомнить, – неожиданно горячо сказал Акхил, – что еще восемь лет назад мы жили в демократическом государстве. В принципе, еще была такая вещь, как государство.

Пилар и Пшигода переглянулись и громко вздохнули.

– Я пошла спать, – сказала Пилар. – Меня уже Мигель заждался, наверное.

Она всё еще жила на Александрплатц, поближе к госпиталю Оксаны. Арку так и не удалось увидеть ее сына и узнать, чем именно он болеет.

– Я тоже двину, – сказал Пшигода. – Лу, ты еще хотела обсудить, сколько людей нам нужно нанять и кого именно. У меня была пара антикваров из Цоо на примете.

– Пойдем, я прогуляюсь с тобой, – Лу встала, и они вместе вышли.

Арк и Акхил перебрались за доску для го и вернулись к позиции, на которой остановились в прошлый раз. Акхил делал ход, и Арк почти сразу отвечал. За последнее время Арк неплохо научился играть, но до учителя ему еще было далеко.

– Извини, если я погорячился, – сказал индус.

– Ничего страшного, конечно.

– Я просто не могу перестать сравнивать два мира: до и после. Да, какие-то вещи мы приобрели. Но потери всё же неизмеримо больше.

Голос Акхила был мягким и спокойным, с извиняющейся ноткой, и ходы он делал пассивные, защищающиеся, пока не дождался удачного момента. Тогда он жестко и безжалостно поставил несколько фишек, развалив, буквально проткнув империю, которую строил Арк, пополам, не оставив даже шанса на отпор.

XLII.

Шикарная черная машина подъехала к кирхе, взрывая пушистые веера девственно-белого снега. Арк, одетый в теплое пальто и лучший пиджак, будучи без оружия и без собаки, вышел из церкви и сел в машину, чувствуя себя непривычно голым.

– Знакомься, это Йохан, – сказала Доротейя.

Хундескопф-доберман за рулем приветственно помахал ушами.

– Поехали.

Водитель невнятно хрюкнул, и машина плавно тронулась. Доротейя была одета в легкую дубленку с белым меховым воротником, из-под нее торчал фиолетовый

вязанный шарф. Как и в прошлый раз, никакого макияжа, никаких украшений, кроме кольца на безымянном пальце.

– Куда мы едем? – спросил Арк. – В Кафедрал?

– Нет, конечно. Совет Одиннадцати никогда не будет проходить ни в одной из Башен, – сказала Доротея. – Паранойя, повальная просто. Собираются только на открытых пространствах, да еще и часто меняют локацию.

Машина на большой скорости пронеслась по мосту через запорошенную снегом и потому на вид спокойную Шпрее и устремилась на юг. Пока они резко петляли по пустынным улицам, Арк исподтишка поглядывал на Доротею. Та со скупающим видом смотрела в окно, барабаня пальцами по стеклу.

– Каково это – быть Лихтенхерцем? – спросил он, сам не зная почему.

Доротея повернулась к нему, в ее глазах искрилась издевка.

– Все вакансии заняты, если ты об этом.

Арк покачал головой.

– На меня вдруг свалилась ответственность за несколько тысяч людей. Я не думал, что это произойдет, и не добивался этого. А теперь я понимаю, что уже не могу просто развернуться и уйти от них. И мне трудно представить, что должна чувствовать такая, как ты. Хочешь ты этого или нет, тебе принадлежит весь город.

Доротея еле заметно покраснела. Взгляд ее стал серьезнее.

– Со временем привыкнешь. Мы приехали, – сказала она.

Машина остановилась у Темпельхофер Фильд. Когда-то это был нацистский аэропорт, позже закрытый и перестроенный в просторный открытый парк. Сколько Арк помнил, он всегда был забит народом – детьми, собаками, летом семьями с мангалами. Сейчас это был гигантский пустырь с жухлой лиловой травой, припорошенной снегом.

– Тебя ждут, – сказала Доротея. – Погоди, тебе может быть холодно. Вот, возьми.

И она протянула ему свой шарф. Арк обмотал его вокруг шеи. Колдовства в шарфе не было, но был ее тонкий запах – свежести и весны. Арк пошел, с трудом замечая тропинку в густой заснеженной поросли. Ближе к центру поля был раскинут большой брезентовый шатер. Вокруг него пылали высокие, в человеческий рост костры. Под шатром в неровном круге стояли одиннадцать

кресел. Семь из них были заняты людьми. Подойдя поближе, Арк увидел, что людьми были далеко не все. Во рту у него тотчас появился сильный металлический привкус, к горлу подступил комок.

Арк узнал всего одного из присутствующих. На высоком кресле с вычурной спинкой восседал Этвас Андерес. Ноги его не доставали до земли. Справа от него сидел тучный человек в нарядном халате и, почему-то, феске. "Это Падишах, владелец всего Шарлоттенбурга", – догадался Арк. Дальше по кругу сидела высокая женщина со злым молодежьим лицом. В ее внешности прослеживались черты Доротей, и Арк решил, что это ее мать, Клавдия Лихтенхерц. Дальше над своим креслом висел и мерцал крупный куб бирюзового цвета из Гезундбруннена. Из следующего кресла росло дерево, по размеру находившееся где-то между обычным и бонсай. Верхушка его не дотягивала до тента около метра. Это должен был быть Танненбаум, живое дерево, повелитель Тиргартена, точнее, один из отростков этого дерева. Арк всегда считал, что Танненбаум был ёлкой, но, по-видимому, ошибался. Справа от дерева, через два кресла, сидела женщина-ящер, Сивилла из Кёпеника. И, наконец, замыкал этот неровный и неполный круг вальяжно раскинувшийся скелет, которого так и звали: Скелет из Моабита.

– Добро пожаловать, Аркадий Колесничий, новый владелец Пренцлауэр-Берга, – объявил скелет совершенно нормальным человеческим голосом. – Совет Города на семь одиннадцатых готов выслушать тебя.

XLIII.

Скелет выхватил из воздуха сигарету, щелкнул пальцами и ловко прикурил от образовавшейся искры. Было хорошо видно, как дым путешествует по пустотам его тела. Клавдия Лихтенхерц заметно поморщилась.

Арк подробно обрисовал ситуацию – точнее, ту ее версию, которая не включала визит Доротей. Взрыв поезда, слухи о причастности к этому Нигоша, исчезновение Башни... То ли Нигош похищен, то ли сбежал. Это вопрос общегородской важности, и дело требует расследования. Когда Арк произносил слова "вернуть Нигошу его доброе имя", некоторые члены Совета подавили смешки. Когда Арк закончил, имеющие глаза или хотя бы глазницы великие колдуны переглянулись. Бирюзовый куб сменил цвет на зеленый, потом на серый. Дерево шелестело листвой.

– Каким образом человек с твоими способностями, – Клавдия сделала паузу, чтобы ни у кого не оставалось сомнений по поводу ее мнения о вышеозначенных способностях, – сумел победить ангела Пренцлауэр-Берга?

– Тщательное планирование и изучение противника.

– Как ты намереваешься расследовать взрыв поезда? – спросил Падишах.

– Если получу от вас разрешение, я восстановлю темпоральную картину произошедшего. При помощи передвигающего время колдовства в отдельно взятом артефакте (наверное, зеркале) я смещу его отражение в координаты места и времени взрыва. Таким образом я увижу, что там происходило на самом деле. Кроме того, я осмотрю место происшествия, постараюсь разобрать все остаточные следы колдовства и идентифицировать всех участников. Я думаю, два эти способа вместе дадут кое-какую картину.

– Сколько времени тебе потребуется? – прошелестел Танненбаум.

– Я ожидаю получить первые результаты за две недели.

Серый куб замигал сначала белым, потом лиловым.

– Кто спонсирует это расследование? – перевел скелет.

– На этот вопрос я не считаю нужным отвечать.

Все еще раз переглянулись. На голове Арка чуть заметно шевелились волосы от перелетавших под тентом телепатических сообщений. Наконец Этвас Андерес, словно по бумажке, стал говорить.

– Совет Одиннадцати дает тебе разрешение расследовать взрыв поезда, произошедший вечером десятого октября этого года, в течение двух недель. Совет позволяет тебе и твоим ученикам применять на территории Поезда, релевантных станций и около них необходимые заклинания, включая темпоральные манипуляции, при условии, что они не принесут вреда пассажирам Поезда. Совет также приказывает тебе по истечении этого срока вернуться и изложить обнаруженные тобой сведения полностью, без изменений и спорных интерпретаций. Совет предупреждает тебя, что может использовать веритативные заклятия и сумеет отличить правду от лжи. Совет предупреждает тебя, что в случае невыполнения этих условий он оставляет за собой право применить к тебе назидательные меры вплоть до полного уничтожения, – при этих словах Этваса Андереса Арк мог поклясться, что один из ярко-оранжевых глаз колдуна на миллисекунду ему подмигнул.

– Ты можешь идти, – подытожил скелет.

Доротея ждала его у машины, нервно и прерывисто курила. Завидев Арка, отбросила сигарету в снег. Арк обратил внимание, что это была не самокрутка, а настоящая фабричная сигарета. "Деньги и власть, – подумал Арк, – вот и всё, что у нее есть. Но черт побери, как же это много".

XLIV.

Он вкратце пересказал своей клиентке произошедшее на Совете. Доротея довольно кивнула и села в машину. Арк сел за ней. Каждый был погружен в свои мысли. Не доезжая до моста Янновицбрюке, водитель свернул в переулок и остановился.

– Выйдем, прогуляемся, – сказала Доротея.

Они спустились к парку. Шпрее была безмятежна, как будто затаила дыхание.

– Не боишься, что нас подслушивают? – спросил Арк.

– Не боюсь. Йохан же остался в машине.

Арк было продемонстрировал свой коронный трюк с бровью, но Доротея уже не смотрела на него, ежась на промозглом декабрьском ветру. Арк предложил ей ее же шарф. Доротея благодарно кивнула, набросила шарф на плечи, как шаль, и отвернулась.

– Есть многое, чего ты не знаешь о семье Лихтенхерц, – наконец сказала она. – И что непременно узнаешь, если залезешь в это дело глубже. Но знания эти опасны, часто смертельны. И я... решила дать тебе возможность отказаться. Если ты уйдешь прямо сейчас, у тебя будет шанс этого избежать.

Доротея подождала несколько секунд, потом повернулась. Синие глаза встретились с зелеными. Арк улыбнулся.

– Боюсь, я в любом случае уже потерял эту возможность. Совет приказал мне делиться с ними результатами расследования.

Доротея грустно кивнула, потом огляделась по сторонам.

– То, что я скажу тебе сейчас, не может быть передано кому-то еще. Ни Совету, ни твоей маленькой гёрлфренд, никому.

– Она мне не... – начал было Арк, но Доротея махнула рукой.

– Главное, что нужно знать о семье Лихтенхерц, – мы не семья. До Смещения Виктор был главой большого рекламного агентства, мы все работали на него. Наш офис был около Музейного острова. Когда всё началось, был хаос... кажется, мы провалились все вместе в одну Изнанку. Многие из нас умерли... я до сих пор вижу их плавающие лица во сне. Мы выжили, а когда вернулись в Берлин, Виктор придумал эту... легенду. Рекламный трюк, чтобы убедить всех в нашей сплоченности, в том, что нас нельзя воспринимать по отдельности. И это сработало. Мало кто задумывается об этом, но на самом деле очень многие происходящие в городе вещи – результат тайной борьбы между нами, – она подумала и добавила: – Внутри нас.

– Взрыв поезда, – произнес Арк.

Доротея кивнула.

– Нигош был ни при чём?

– Не совсем так. В последние полгода Нигош тайно работал на меня. Он был моим внешним агентом: выполнял задания, с которыми я не могла иметь ничего общего.

Арк был поражен. Ненависть Нигоша к Лихтенхерцам была общеизвестна. Но в то же время... она была неплохим прикрытием.

– Так что произошло в поезде?

– Ученик Нигоша, Клаус, что-то узнал. Он ехал в Осткройц, чтобы рассказать это Хозяину. Его убили, взорвав поезд. В тот же день пропал Нигош. Полагаю, Виктор похитил Черную Башню при помощи какого-то сложного параизнаночного заклинания.

– Ты сказала...

– Да, Аркадий. Я думаю, что именно Виктор Лихтенхерц похитил твоего Хозяина. Из-за того, что узнал его ученик Клаус. А теперь пойдём куда-нибудь, где теплее, – Доротея улыбнулась, но улыбка бесследно исчезла с ее лица, когда она поглядела Арку за спину.

– Не оборачивайся и возьми меня за руку, – сказала она. – На нас смотрят.

Арк послушался. Доротея прижалась к нему, приобняла за плечо так, что ее губы оказались около уха Арка.

– Если будут думать, что мы любовники, у нас будет больше возможностей быть наедине, – прошептала она.

– Поэтому ты мне дала свой шарф?

– Может, я просто думала, что мой новый агент не должен истечь соплями?

Взявшись за руки, они вернулись мимо наблюдавшего за ними Йохана в машину.

– Я знаю место, где мы сможем поговорить еще. Там тепло и нет политики, – сказал Арк и показал хундескопфу, как ехать во Фридрих.

XLV.

У заведения Терезы и Ланы машина произвела фурор на всех окружающих. Арк и Доротея вылезли из-под облепившей автомобиль малышни, предоставив Йохану право и обязанность охранять его от желавших отковырять боковое зеркало, а сами зашли в булочную. Там действительно было тепло, стоял сладкий запах сдобы. Арк подмигнул Лане, и вскоре он и Доротея уже сидели за маленьким столиком на двоих внутри самой пекарни, вдали от посторонних глаз и ушей. Тереза принесла им кофе и свежую выпечку.

– Очень давно не была во Фридрихсхайне, – призналась Доротея. – Спасибо, что позвал.

– Здесь нас вряд ли подслушают. А у меня еще куча вопросов.

– Вперед. Пока у нас есть время.

– Что мог найти Клаус?

– Я не знаю. Нигош не успел мне рассказать.

– А как во всё это вписывается Иммануил?

– Он был агентом Виктора. Старым его другом, еще до Смещения. Он был актером, любимцем домохозяек. Напыщенный, самовлюбленный кретин, не знающий, что делать с собственной силой, поехавший на религиозной почве. Я была так рада, когда ты его убил.

– Зачем ты дала понять Совету, что я работаю на тебя? Зачем на самом деле этот маскарад с шарфом?

– Я решила сменить тактику. О Нигоше никто не догадывался, но его легче было устранить. Сейчас же я решила, что пойду более официальным путем. Если информация, которую нарыл Клаус, действительно настолько важная, что она может опрокинуть Виктора, я хочу, чтобы о ней знал весь Совет. Если тебе удастся доказать, что за взрывом поезда на самом деле стоит Виктор, его положение в Совете сильно пошатнется. А это уже много.

– А зачем это тебе?

Доротея на секунду задумалась.

– Я займу его место. Грядут изменения, в ходе которых его место может стать самым важным в городе.

– Какие изменения?

– Не всё сразу, – улыбнулась она. – Я не думаю, что это так уж важно для твоего расследования в данный момент. Твоя задача – выяснить, кто взорвал поезд, а потом – что именно узнал Клаус.

– Мне не нравится, когда мне доверяют не до конца.

– Придется с этим смириться.

Они помолчали, каждый отпил свой кофе.

Наконец Доротея вздохнула, сказав:

– Приходи завтра утром в Боду. Оттуда сможешь начать расследование.

"Я уже начал", – подумал Арк, но только кивнул в ответ.

– Заодно закроем вопрос с оплатой. Экономить я не буду.

В булочную сунулась мохнатая голова Йохана.

– Пора, – вздохнула Доротея и коснулась руки Арка. Он так и не понял, был это искренний жест или игра на публику.

– Спасибо за кофе и за компанию, – Доротея встала и, не убирая руки, нагнулась. Быстро и неловко поцеловала Арка в щеку. Потом стремительно вышла, не оглядываясь.

Арк посидел у Терезы и Ланы еще немного, потом застегнул пальто поплотнее и вышел в снег. Невидимый след от поцелуя на его щеке обдало морозным воздухом. Он думал пойти домой, в Иммануилкирхе, но ноги сами понесли его на юг, в сторону Осткройца. Арк быстро добрался до станции, перешел по мосту и очутился на холмике, на котором, казалось, так недавно сражался с наступающим полчищем миньонов Иммануила и хундескопфов. На холмике, где прежде стояла Башня. Сейчас на нем, разумеется, ничего не было. Всё было подчищено, разобрано и разнюхано.

"Во что же ты впутался, Хозяин?" – в очередной раз подумал Арк. Иммануил, безусловно, был могущественным колдуном, даже великим. Война с ним не была простой. Но она всё же имела смысл и, как доказал сам Арк, шансы на победу при определенных обстоятельствах. Виктор же... Он, Александр и, может быть, еще Танненбаум или Падишах были богами. В античном смысле, без метафор. Война с одним из них без должной поддержки представлялась Арку суицидом. Достаточно ли сильна Доротея? Или нужно искать еще чьей-то помощи?

Можно ли доверять самой Доротее?

XLVI.

В Кирху Арк вернулся уже под вечер, основательно продрогший. Поезд довез его до Алекса, но оттуда нужно было идти пешком. В центральном зале его встретили обеспокоенные лица друзей.

– Жив, – усмехнулся Пшигода.

– Что ж ты так долго? – спросила Лу. – Рассказывай.

И он рассказал. Говорить пришлось крайне избирательно, тщательно лавируя между правдой и вымыслом. Одобренный Советом план действий в результате этих маневров не пострадал, но почти всё рассказанное Доротеей пришлось скрыть.

Дело было не столько в доверии – он доверял своей команде больше, чем кому-либо. Дело было в том, как смотрела Доротея, когда впервые рассказала ему главный секрет Лихтенхерцев. В ее глазах – глазах великой колдуньи, одной из самых могущественных людей города – были страх и смерть.

– Всё ясно, – сказал Пшигода, когда Арк закончил. – Лихтенгерцы наняли нас, потому что кто-то взорвал поезд, а мы заняли место их последнего мальчика на побегушках.

– Вроде того, – утвердительно кивнул головой Арк.

– Значит, мы все-таки ищем Нигоша? – спросила Лу.

– Значит, так. Но им займусь я, у меня уже много наработок по его исчезновению. А вы должны найти способ заглянуть в прошлое, хотя бы на пару минут.

– Оксана, – сказала Пилар. – Она потрясающий специалист по темпоральным манипуляциям. Завтра спрошу у нее.

– Отлично, – обрадовалась Лу. – Тогда, Ирджих, ты поузнавай на Цоо, может, найдешь какую-то дополнительную информацию о взрыве. Акхил, сходи с Пилар к Оксане, попытайся оценить, что нам будет нужно для темпорального окна. Арк, а мы с тобой зайдём в гости в музей Боды. Я тебя прикрою в случае чего. Договорились?

Арку ничего не оставалось, как кивнуть.

– Есть еще одна вещь, – сказал Пшигода, и стало тихо. Все смотрели на Арка. – Мой знакомый на Алексе сказал по большому секрету, что сегодня на тебя начал охотиться Джек Нож.

По общему молчанию Арк понял, что всем остальным это уже известно.

– Кто это? – спросил он.

– Бывший солдат, после Смещения – наемник. Крутой мужик. Я с ним пару раз пересекался, в последние пару лет он зарабатывает убийствами по найму. Причем убийствами колдунов.

– Постапокиллер? – улыбнулся Арк.

– Это не смешно, – покачал головой Пшигода. – У него довольно жуткая репутация. Очень хитер, очень ловок. Сам можешь догадаться, какое у него любимое оружие.

– Тостер? – спросил Арк, но опять никто не засмеялся.

– У него есть набор артефактных ножей, которые пробивают колдовские защиты.

– Хорошо, – сказал Арк серьезнее. – Спасибо. Я приму это к сведению. Известно, кто его нанял?

– Известно только, что сегодня он начал собирать о тебе сведения.

– Мы можем его перекупить?

– Ты сегодня утром был на Совете. Видел там кого-нибудь, с кем мы можем финансово потягаться?

Арк покачал головой и спросил совета у Пшигоды:

– Что предлагаешь делать?

– Судя по его репутации – никогда не выходить из кирхи. Если это не вариант...

– Это не вариант, – перебил его Арк. – А твой друг с Алекса близко его знает?

– Нет, не очень. Думаешь напасть первым?

– Не обязательно. Мы можем как-нибудь достать вещь с запахом этого Джека Ножа?

– Карман?

– Думаю наладить систему раннего оповещения, – улыбнулся Арк.

– Вот это уже похоже на план, – одобрил Пшигода.

В ту ночь Арк долго не мог заснуть. Переизбыток новой информации ударил по нему, как распрямившаяся пружина. В голове мелькали обрывки разговоров, какие-то образы, и он плавал в них, как в густом бульоне. Джек Нож, Танненбаум, Йохан, бирюзовый куб... Ложь, интриги, мотивы... Как достичь своего?

Наконец он всплыл на поверхность, и ему приснилась Доротея.

XLVII.

Лу и Пшигода прогуливались по Александрплатц. Было уже сильно за полночь, и основные шум и толкотня утихли, но то и дело из палаток и из-под тентов доносились музыка и песни. Чей-то очень хриплый голос имитировал Тома Уэйтса. Воздух был пропитан дымом костров, подкисшим пивом и свободой. Оба молчали, каждый о своем.

– Я за него волнуюсь, – наконец сказала Лу.

– Знаю. Я тоже.

– Эта женщина... придает ему энергии, конечно. Но и втянула его...

– Нас.

– ...нас в такое болото.

– Думаю, мы уже сидели там по подбородок, – помолчав еще, сказал Пшигода. – Кигва, может быть, она всего лишь открыла нам глаза.

– Тебе тоже показалось, что Арк что-то от нас скрыл?

– Наверняка. Но я думаю, что так надо.

Лу взяла Пшигodu за руку, и они снова какое-то время молчали.

– Я так долго не имела собственной воли, – неуверенно начала Лу, – не имела себя, так сказать, что сейчас мне тяжело принять эту ситуацию. Незнания, непонимания происходящего до конца.

– Понимаю, – сказал Ирджих. – Мне с этим проще.

– Я дерусь, потому что дерусь?

– Я дерусь, потому что дерусь.

– Ты знаешь, что в оригинале это говорят совсем по другой причине?

– Знаю.

Они дошли до истока Реки Гнили. К счастью, дул западный ветер, и смрад был приглушенным, мягким. Они прошли дальше, мимо госпиталя Оксаны, под железнодорожными путями, и вышли к телебашне. Ее шпиль скрывался в облаках, и из них боком торчал лишь увесистый шар, с этого ракурса напоминающий дискотечный. Где-то в глубине шара мерцал загадочный огонек. Александр витал в своих эмпиреях разума и колдовства.

Мимо, пьяно пошатываясь, прошла компания веселых чумазных людей. Один из них почтительно кивнул Пшигоде.

– Не могу поверить, что когда-то тебя боялась, – сказала Лу.

– Не могу поверить, что ты сейчас меня не боишься, – сказал Ирджих.

Никто не видел, как, скрытые стороной телебашни, они целовались в темноте.

XLVIII.

Арку пришлось надевать свой лучший пиджак второй день подряд. Дело было, конечно, не во внешнем виде, точнее, не только во внешнем виде. В подкладку пиджака была хитроумно вшита разрезанная на ленты картина XVIII века, купленная Акхилом за невероятные деньги на рынке в Мауэрпарке. Картина была большой – хватило на защиту для Арка, Лу и Кармана, который получил новый ошейник. Акхил тренировался переносить полезные свойства с одних артефактов на другие. До утилизации картина изображала выводок оленят и, если верить торговцу, была частью постоянной экспозиции провинциального музея. На сам пиджак было нанесено маскирующее заклинание – с надеждой, что сильная защита не будет выглядеть таковой. Пиджак был темно-зеленый и вельветовый, из-за чего Арк немного напоминал швейцара, но всё же не сильно выбивался из эклектичной постапокалиптической моды. На Лу была ее защищенная оленятами спецодежда – строгий черный костюм с узкой юбкой. Карман был в своем обычном виде. Так, втроем, они неспешно шли в сторону музея Боды и обсуждали различные тактики поведения. Лу убеждала Арка, что действовать нужно осторожно, но напористо, требовать плату вперед и ждать подвоха. Арк убеждал Лу в том, что действовать нужно осторожно, но гибко, где надо – уступить и ждать подвоха. Оба использовали весь спектр риторических приемов: от сократовских вопросов до крика. Карман безмятежно семенил в двух шагах от них, отвлекаясь только на то, чтобы понюхать трещину в асфальте или задрать ногу у поваленного столба.

Так, незаметно для себя, они миновали Александрплатц, повернули вдоль Шпрее и добрались до последнего моста на Музейный остров, который вел напрямую к музею Боды – Башне Доротеи. Музей смотрел на них высокомерно, с высоты своих ста двадцати лет. Сбоку, чуть издалека, на них укориженно поглядывал купол Кафедрального собора – Башни Виктора.

Они остановились прямо перед мостом. Стояла звенящая тишина. Арк показал налево – соседний мост был тот самый, железнодорожный, и на нем до сих пор виднелись следы взрыва. Внизу спокойно покачивалась Шпрее.

– О чём ты думаешь? – спросила Лу.

- Я вдруг кое-что понял. Мы даже не знаем, взорвали поезд изнутри или снаружи.
- То есть была ли взрывчатка в самом поезде...
- ...или на этом мосту.
- Если она была на мосту, террорист не должен был взрываться вместе с ней. Бомба могла сработать от веса поезда.
- И террористом был не Клаус. Но есть еще один момент.
- Какой?
- Если бомба была в поезде, хотели взорвать поезд. Убить кого-то в нем, что-то уничтожить, прервать сообщение и так далее. Место взрыва было не важно.
- А если бомба была на мосту, поезд хотели взорвать именно на этом месте.
- Точно. Нам нужно будет туда залезть.
- Арк?
- М?
- Лу Оспри, частный детектив.

Арк прыснул.

XLIX.

Арк был в музее Бодэ только однажды, разумеется, до Смещения, когда туда привозили картину Леонардо да Винчи, и он, как и тысячи других берлинцев, пошел на нее посмотреть. Единственное, что Арк тогда запомнил, – музей был полон статуй. Вот и сейчас, пройдя огромное фойе и следуя за услужливым хундескопфом с головой спаниеля, Арк обратил внимание на обилие недвижимых фигур, застывших в различных позах, расставленных по всем комнатам дворца. Многие из них были древними, многие – совершенно переполненными колдовской силой. Некоторые были послабее, а некоторые вообще напоминали пустые серые болванки в форме людей. Какие-то даже казались странно знакомыми, будто Арк видел этих людей раньше. Арк не мог понять увлечение статуями, от них ему было слегка не по себе, но даже он был вынужден признать: коллекция музея Бодэ являлась более чем внушительной. За такое количество колдовства можно было,

наверное, купить весь Берлин. Что касается минусов этого места, ему пришлось постоянно одергивать Кармана, чтобы тот не задира лозле статуи заднюю лапу. Доротея ждала их в очередном роскошном зале с черно-белым клетчатым полом, и этот зал также был заполнен мраморными болванами. Одета она была в желтую кофту с широкими рукавами и свободные брюки. Рядом с ней, подбоченясь, настороже стояли двое: высокий крупный детина с мясистым лицом и его антипод, тщедушный, дерганый человек, с виду напоминавший грызуна. Сама Доротея весьма томно возлежала на роскошной бархатной тахте.

– Аркадий, Луизиана, – сказала она, почему-то резко встав. – Это мои ученики, Фарук и Армин.

"Бим и Бом", – мысленно окрестил их Арк. Ученики сдержанно кивнули, не сводя взгляд с гостей. Под свободной рубашкой крысоподобного Армина Арк заметил рукоятку пистолета и решил, что именно Армин более опасен.

– Я пригласила вас сюда по нескольким причинам. Во-первых, сразу уладим вопрос с оплатой, – Доротея плавно, словно шахматная ладья, перешла в другой конец комнаты, к трем стоявшим особняком статуям. Те светились силой. Одна была бронзовой, две – мраморными. У мраморного мальчика не хватало руки, а у бронзового – мужского достоинства. Мраморная девочка была целой и одетой. – Три статуи в обмен на оговоренные ранее услуги.

– Да, это более чем щедро, – нехотя признала Лу.

– Ну так и услуги не простые, – улыбнулась Доротея, причем сама вежливая улыбка предназначалась Лу, а насмешливый взгляд – Арку.

Она подошла к окну, и все остальные потянулись за ней. Из окна были отлично видны железнодорожные пути и злополучный мост с черными опалинами от взрыва.

– Мы бы хотели узнать, – медленно, обдумывая каждое слово, начала Доротея, – кто устроил теракт на Поезде. Но есть еще одна причина, помимо очевидных. В этой комнате до недавнего времени хранилась одна из наших главных ценностей – бюст Нефертити.

Лу ахнула, Арк вскинул бровь. Бюст Нефертити был одним из сильнейших артефактов в Берлине и, возможно, во всем мире. Его мощь была сравнима с целыми зданиями.

– Хранился, в прошедшем времени? – переспросила Лу.

Доротея спокойно выдержала ее взгляд.

– Совершенно верно. Бюст пропал. Взрыв был настолько мощным, что не только разворотил весь поезд, но и пробил дыру в защите моей Башни.

– Но как мог пропасть бюст Нефертити? Вряд ли кто-то выжил и смог пролезть в музей, чтобы его украсть?

– Я не знаю.

– Кому может понадобиться бюст Нефертити? Что вообще с ним можно сделать?

– Всё что угодно.

– Кто знает о пропаже этого бюста? – спросил Арк.

– Никто за пределами семьи Лихтенхерц.

Арк подумал, что за этими словами скрывается больше, чем могло показаться.

– Можно осмотреть место проникновения в музей? – поинтересовалась Лу.

Доротея повела рукой. Угловая часть стены и два окна замерцали и исчезли, оказавшись сложносоставной стабильной иллюзией. В зале сразу заиграл морозный ветер. Лу поежилась, а Доротея не обратила на холод никакого внимания. Арк подошел к разломанной стене, осторожно выглянул наружу. Вся стена музея вокруг пролома была испещрена выбоинами от каких-то мелких снарядов.

– Почему ты за эти пару месяцев не заделала прореху? – спросила Лу.

Доротея на секунду задумалась, посмотрела на девушку. Та чуть покраснела, но выдержала взгляд.

– Я решила, что это останется мне уроком, – наконец ответила хозяйка музея Бобе. – Памяткой, если угодно.

Арк тем временем выковырял маленький снаряд, застрявший в камне. Им оказался металлический, чуть деформированный шарик размером где-то с ноготь большого пальца. От шарика явственно исходила колдовская энергия. Арк вернулся в комнату и показал находку.

– Мне кажется, это старинная мушкетная пуля, – вынесла свой вердикт Лу. – Нужно взять ее с собой и показать Акхилу.

– Их тут несколько десятков как минимум.

– Но почему использовались именно они? Это явно слишком мелкие снаряды для такой стены.

– Может быть, им было достаточно просто ослабить стену?

Настал черед Лу выглядывать в пролом. Она внимательно осмотрела его края внутри и снаружи, потом посмотрела вниз, на разбросанные обломки камня у основания здания.

– Скажи, а внутри музея было много камней? Обломков, осколков? – спросила она Доротею.

– Насколько я помню, нет. Их довольно быстро убрали.

– Взгляни-ка, – Лу обратила внимание Арка на один из блоков стены. – Скол есть внутри, но его нет снаружи.

– Ты думаешь, стену взорвали изнутри? А как же эти пульки?

– Я думаю, было два взрыва.

Арк нахмурился, и Лу продолжила:

– Первый – в поезде или на мосту. Он своротил состав с рельсов, повредил мост и изрешетил стену этими штуками.

– Тем самым ее ослабил, – Арк начал понимать логику происшествия.

– Именно. Второй взрыв был изнутри, сразу после первого. Его цель – вскрыть здание и дать возможность выкрасть бюст Нефертити.

Оба посмотрели на Доротею.

– Меня в это время тут не было. Я... это неважно. Армин, Фарук, могло ли быть два взрыва?

– Я не знаю. Может быть. Я был на другой стороне музея. Слышал страшный шум, но это могло быть два взрыва вместе, – сказал Армин.

– Я спал. Спросонья мог не разобрать, – пробасил Фарук.

– Нужно осмотреть пути, – решил Арк. – Может быть, там мы найдем следы второго взрыва.

L.

Между музеем и путями было где-то полметра, а внизу, на высоте примерно третьего этажа, лежали обломки моста и здания. Арк легко выскочил из дыры в стене и перепрыгнул на мост. Расписание он не помнил, но поезда слышно не было ни с одной стороны. Карман храбро твякнул и сиганул за хозяином, Арк успел его поймать в самый последний момент.

– Если бюст вынесли именно так, куда его могли деть? – крикнул Арк оставшимся в музее.

Он сделал пару шагов по мосту и посмотрел вниз, на Шпрее. Та была необычно спокойна. По ровной мглистой поверхности пробежала еле заметная разноцветная рябь.

После Смещения Шпрее перестала быть рекой в общепринятом смысле. Она всё еще соединяла реку Даме на востоке и реку Хафель на западе, но сама по себе перестала быть массой воды. Если бы в Берлине оставалась микологическая лаборатория, то работающие там ученые, проведя серию научных экспериментов, смогли бы с уверенностью заявить, что вся вода в Шпрее превратилась в огромное полужидкое-полутвердое образование, состоящее из крайне сложной переплетенной сети мицелиев, или, говоря по-простому, грибов.

Простые же жители Берлина о чём-то подобном догадывались, но предпочитали глубоко об этом не задумываться, благо других забот тоже хватало. В нередкие моменты, когда гриб-река упоминалась в разговоре или даже попадала в поле их зрения, они называли ее просто Шпрее и, *sapientī sat*, шли дальше по своим делам. Ходил слухок, что люди, которые слишком долго вглядывались в Шпрее, сходили с ума. Впрочем, после Смещения поводов для этого стало слишком много, и еще один дополнительный погоды не делал и статистику не портил. Но сейчас Арк смотрел на Шпрее во все глаза. Потому что благодаря случайному озарению – то ли ее поверхность как-то особенным образом блеснула и он заметил это краем глаза, то ли Карман проявил к ней особое внимание – он понял, куда можно было спрятать бюст Нефертити сразу после взрыва поезда, да так, чтобы никто и не догадался там искать.

Шпрее молчаливо смотрела назад – в Арка. Ее поверхность казалась бархатной, муаровой, по ней то и дело пробежали оранжевые и зеленые всполохи. Виднелись островки, из которых росли более привычные человеческому взору грибы с

выгнутыми куполообразными шляпками. Они покачивались едва заметно, хотя ветер дул сильный, ледяной.

Арк никогда не слышал, чтобы кто-то залез в гриб-реку и выбрался из нее живым или как кто-то что-то оттуда достал. Наверное, в Шпрее можно было спрятать бюст Нефертити. Спрятать хорошо, чтобы никто, даже хозяйка музея Боде, не нашла. Но как его потом вернуть? Арк присел на корточки и поглядел через край. Опоры моста уходили в колышущуюся глубину. Никаких лестниц или веревок не было видно. Арк подозвал Кармана и достал из Пасти револьвер. Сначала хотел выстрелить, а потом просто достал пулю, зажал в правом кулаке и выставил руку как можно дальше. Револьвер убрал в левый карман брюк. Пуля чуть заметно холодила ладонь. Арк разжал пальцы, и она тяжело полетела вниз. Отрицая все законы физики, замедлилась, подлетая к поверхности Шпрее, сверкнула на зимнем солнце, и грибная масса беззвучно поглотила ее. Ничего не изменилось.

Арк встал на ноги, и тут одновременно случилось несколько событий. Во-первых, громко залаял Карман. Во-вторых, Лу крикнула: "Осторожно!" В-третьих, Арк заметил, как к нему по мосту бежит темная фигура в шляпе. А в-четвертых, что-то неожиданно сильно и больно ударило его в правое плечо.

Ц.

Плечо мгновенно онемело, и Арк с удивлением и ужасом увидел, что из него торчит рукоятка большого зазубренного ножа. Дальше события тоже происходили одновременно и вперемешку, да так, что Арк не до конца понимал реальную их очередность и взаимосвязь. В какой-то момент, уже находясь в воздухе, он попытался осознать, что же произошло, подвести черту и сделать работу над ошибками. Жаль, времени у него оставалось крайне мало.

Получив удар в плечо, Арк несколько сотых доли секунды смотрел на нож, а в темную фигуру в это время врезались два заряда – синий и зеленый. Синюю молнию Арк узнал, ее выпустила Лу, а значит, зеленая принадлежала Доротее. На мост через дыру в стене выскочили Фарук и Армин – по крайней мере они бежали по мосту с оружием наперевес несколькими секундами позднее. Темная фигура красивым взмахом руки отбила оба снаряда, а в другой руке у нее сверкнуло еще одно лезвие. Арк левой рукой достал револьвер из кармана и выпустил в нападающего три пули, не произведя особого эффекта. Откуда-то сзади прогудел поезд. Игнорируя этот звук, Арк побежал навстречу фигуре. Карман бросился за ним. Нападавший тоже побежал. Все двигались одновременно, и векторы их движений пересекались.

Арк и незнакомец столкнулись посередине моста, фоном звучали лай собаки, крики Лу и шум поезда. Арк сразу почувствовал резкую боль в плече, когда попытался заблокировать нож правой рукой. Человек в шляпе перехватил левую руку Арка с пистолетом сантиметрах в десяти от своей головы. Они на секунду застыли, погасив импульс друг друга, как два столкнувшихся потока воды. Незнакомец был силен и ловок, но Арк был выше и тяжелее. На него в упор смотрели холодные, бесстрастные, темные глаза из-под тульи шляпы.

– Джек Нож, я полагаю? – спросил Арк, но тут взгляд противника метнулся куда-то ему за спину, и еще через секунду их сбил с моста поезд.

От прямого столкновения с поездом Арка спас Джек, прыгнувший в сторону и по неумолимым законам физики потянувший противника за собой. К общему ужасу, их тандем оказался неловким, медлительным, со смещенным центром тяжести. Ноги Джека соскользнули с моста, и он полетел вниз. Арк отцепился от него, замахал руками в тщетной попытке поймать нарушенное равновесие и отправился следом. В пути было время немного поразмыслить, но ничего путного в голову не приходило. Арк мог тщательно рассмотреть, как над ним проносится гроыхающий состав, как Армин и Фарук жмутся к колоннам, как где-то парусом развеваются желтые рукава Доротеи и как сверху на него со всего разбега прыгает Карман, не желающий остаться без хозяина. Арк чувствовал, как словно тысяча нежных нитей тянутся к его падающему телу из Шпрее, касаются его спины, ног, затылка, как мягко принимают его вес, упруго, заботливо тормозят его падение. Как ему на грудь приземляется собака, в последнюю секунду, прямо перед тем, как грибная велюровая масса чуть расступается, проседает под ним, принимает его в себя, и как это не страшно и не больно, и как даже боль от ножа в плече улетает куда-то в сторону, вне его, и как сверху над ним и собакой смыкается этот живой, трепещущий занавес, и они продолжают погружаться, но он уже ничего не видит, а скоро и не слышит, а скоро и не обоняет и не чувствует.